

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'27:811.111

Г. Спербер
Огайо, США

Д. Н. Тидвелл
Сан-Диего, США

Перевод И.С. Поляковой

СЛОВА И СЛОВСОЧЕТАНИЯ В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ

ГСНТИ 16.21.27; 16.01.13

Аннотация. Перевод на русский язык статьи Ганса Спербера и Джеймса Н. Тидвелла, опубликованной в США в 1950 г. Авторы анализируют слова и словосочетания, используемые в американской политике в 19–20 вв. Устанавливается их контекстуальное значение и этимология. В результате проведенного анализа удастся не только дать определение слову, но и проследить историю его возникновения.

Ключевые слова: международная лингвистика; язык политики; международный словарь политического языка; «всадник на коне – диктатор»; «мягкотельный политик».

Сведения об авторе: Ганс Спербер, Государственный университет Огайо

Джеймс Н. Тидвелл, Государственный колледж Сан-Диего

Сведения о переводчике: Полякова Ирина Сергеевна, ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: Россия, 620073, г. Екатеринбург, ул. Крестинского д. 49/1, к. 181.

E-mail: irene22@live.ru.

H. Sperber
Ohio, USA

J. N. Tidwell
San Diego, USA

Translated by I. Polyakova

WORDS AND PHRASES IN AMERICAN POLITICS

Код ВАК 10.02.19

Abstract. This is a translation of the article by Hans Sperber and James N. Tidwell published in 1950 in the USA. The authors analyze words and phrases which were popular in American politics in the 19–20th centuries. Contextual meaning and etymology of such words are described. The result of the undertaken analysis makes it possible to not only define the word but bring light to its appearance and introduction into politics.

Key words: international philology; language in politics; international dictionary of politics; «the man on horseback – dictator»; «doughface» politician.

About the author: Hans Sperber, The Ohio State University.

James N. Tidwell, San Diego State College.

About the translator: Polyakova Irina Sergeevna, Assistant Lecturer, Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: The Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

В военные годы лингвисты из государственного университета Огайо осознали тщетность всех попыток выделить области филологических исследований согласно национальным границам, так как эти границы в действительности никак не влияют на развитие языка. Предварительные обсуждения проблемы международной филологии привели к формированию комитета лингвистических наук, члены которого вскоре поняли необходимость дополнения разработанной теории практическими работами, вклад в которые мог внести каждый член комитета и его студенты. В то же время эта проблема должна была объединить ученых-нелингвистов; таким образом, формирование лингвистики как единой области исследования было лишь первым шагом на пути к установлению ее связи с другими областями гуманитарных знаний.

С этой точки зрения, проблема языка политики была идеальным объектом исследования. Тот факт, что эта проблема была малоизученной, поскольку лингвисты относили ее к области истории, а историки, казалось, не хотели признавать ее существенной значимости, делал ее еще более перспективной.

Существует несколько «словарей политического языка», но в них приводятся определе-

ния слов, сопровождаемые лишь скудным историческим комментарием. Наша работа, наоборот, должна была быть основана на исторических принципах, подобно тем, что легли в основу Оксфордского словаря. Каждая статья должна давать краткую историческую справку о конкретном слове. Однако, осознавая тот факт, что ни в одной библиотеке не содержится всей необходимой нам информации, что сотрудники одного университета не смогут справиться с таким объемом работы, мы распространили информацию о поиске сотрудничества, а также указания для тех, кто хочет внести свой вклад¹. Реакция на тот первый призыв была удовлетворительной, и мы еще раз убедились в необходимости проведения этой работы, так как то количество писем, что мы получили, говорило о недостаточности существующих исследований.

Мы получили обещания сотрудничества, которые в большинстве случаев были выполнены. Но в то же время мы осознали, что наш план подготовки интернационального политического словаря был слишком амбициозным, чтобы быстро его осуществить. Огромное коли-

¹ A co-operative Research Project on a Dictionary of Political Words and Phrases, Columbus, Ohio, 1945 (прим. авт.).

чество источников, которые необходимо изучить, тот факт, что вряд ли найдется учреждение в Америке, за исключением, пожалуй, Библиотеки Конгресса, где все необходимые источники могут быть найдены, – все это навело нас на важную мысль, что следует ограничить себя исследованием американского политического языка. Однако мы не отступаем от принципа международной лингвистики. Тесная связь политической мысли в Америке с европейскими движениями и организациями дает возможность представить американские термины в их связи с европейскими моделями.

После четырех лет подготовительной работы у нас есть все основания рассчитывать на успех исследования. И хотя нам необходимо еще собрать большое количество материала, у нас уже есть необходимые данные для того, чтобы раскрыть значения и историю тех слов и слоганов, которые в прошлом не получили должного внимания или вообще никогда не рассматривались. Более того, во многих случаях мы можем не только пролить свет на происхождение слова, но и рассказать о том, как оно повлияло на успех или неудачу политического движения. Мы приведем яркие примеры того, что называется техникой политического языка: использование ораторских уловок и разных речевых стилей, например научного, библейского; включение разговорных или даже нецензурных выражений; реклама, используемая в политических целях; оперирование чертами политики в бизнес-рекламе; и игра слов.

Что касается результатов исследования, то они превзошли начальную цель проекта. Мы утверждаем, что наши открытия помогут объединить методы лингвистических исследований, заставив признать, что изучение истории слова проводится на неполном материале; так, например, авторитетные издания о языке основывают свои положения о языковых изменениях и подобных проблемах на примерах из среднеанглийского, готского или даже индоевропейского – то есть на том, что произошло сотни и тысячи лет назад. Понадобилось бы много отваги и оптимизма, чтобы, имея в своем распоряжении современный микроскоп, биолог решил бы изучить клеточное строение дерева при помощи телескопа на расстоянии нескольких миль. Но многие лингвисты по-прежнему настаивают на использовании «взгляда издалика», что лишний раз подтверждает необходимость обращения к изучению деталей. Именно это и позволит создать такой микроскоп. Изучение политического языка позволит обнаружить значительное число случаев, в которых мы можем проследить происхождение нового слова или нового значения и даже установить человека, впервые его употребившего, или день, когда оно было произнесено в первый раз, мы также сможем определить, почему при определенных обстоятельствах был необходим неологизм и как публика того времени отреагировала на него.

В связи с тем, что сложно уложить весь найденный нами материал в рамки словарной статьи, мы рады воспользоваться возможностью, предоставленной журналом «Америкэн Спич», и рассмотреть некоторые из этих слов более подробно. Но хотелось бы напомнить читателю, что материал, который мы предлагаем, – это только набросок, а не конечный результат.

I. «ВЕРХОВОЙ» (The Man on Horseback)

Во время последней войны многие радиослушатели обратили внимание на выражение «верховой» ('the man on horseback') и были удивлены, что оно применялось по отношению к Муссолини, Гитлеру и другим диктаторам. В Новом словаре английского языка это выражение отсутствует, а в Словаре американского английского говорится, что это – прозвище, впервые употребленное по отношению к Ю. С. Гранту, и приводятся нижеследующие цитаты; первые две относятся к попыткам «приверженцев» выдвинуть Гранта на третий срок:

Армия под командованием президента Хейза, или диктатора ('the man on horseback'), если он вернется к власти [1879 Congressional Record 23 June 2324/2]

«Диктатор» ('The 'man on horseback') – это воинственный клич... самого опасного элемента республиканской партии [1880 ibid. 10 May 3200/1].

Это Паркер – Юрист и Патриот, против Рузвельта – возможного диктатора (the man on horseback) [1904 Courier-Journal 21 July 4].

Четвертый пример из Словаря американского английского интересен тем, что он, во-первых, свидетельствует о несколько иной модели комбинаторики в британском английском, и, во-вторых, четко показывает, что в Британии знали об американском происхождении этой фразы:

Диктатор (The man on horseback)... используем эту яркую американскую фразу, это больше не лорд Сэлisbury [1887 Pall Mall Gazette 21 July 1/1].

Стоит отметить, что обозначение «верховой» в значении «диктатор» уже использовалось в американской политике за несколько лет до того, как Грант стал известным в стране, и за восемь лет до того, как он стал играть активную роль в политической жизни Соединенных Штатов. В 1860 Калеб Кушинг написал получившее известность письмо, адресованное встрече демократов штата Мэн в Бангоре 11 января того же года. В этом письме он выразил опасения, связанные с приближением гражданской войны и ее возможными последствиями:

Ведь история говорит как будут развиваться события: социальные потрясения, ожесточенные бои на улицах города, банды партизан, кочующих по стране, расстрелы, казни – одним словом, то, что еще с нами не случалось, но уже произошло с другими нация-

ми – жестокая война, война дома; а в дальнейшем появится диктатор (а *man on horseback*) с мечом в руке, какой-нибудь атлантический Цезарь или Кромвель, или Наполеон, чтобы обеспечить уставшему миру передышку от страшного гула сумасшедших идеологий того времени и прекратить братоубийство, которое они же и породили... [Quoted in Claude M. Fuess, *Life of Caleb Cushing* (New York, 1923), II, 243].

Во время предвыборной кампании 1860 года эта номинация использовалась, по всей вероятности, партиями-противниками Линкольна, для того чтобы передать избирателям весь ужас последствий его избрания на пост президента. В настоящее время мы не можем привести никаких прямых доказательств этого, однако 11 октября упомянутого года бостонский «Ивнинг транскрипт», комментируя финансовое положение после победы республиканцев, написал:

Вопреки нелепым страхам паникеров, республиканское большинство штата, голосовавшее во вторник, подняло цену акций, вместо того чтобы снизить ее. Ни акционеры, ни капиталисты не боятся диктатора (the man on 'horseback'), описываемого Калемом Кушингом. [Р. 4/1].

За несколько дней до выборов то же самое издание высмеивало тех, на кого подействовали слоганы, при помощи которых политики пытались нагнать страха. Упоминался и «верховой – диктатор», так как и в этой фразе есть доля абсурда:

Но нашим читателям не стоит беспокоиться... Диктатор (the 'man on horseback') не придет верхом на коне, это всего лишь речевой оборот, позаимствованный по случаю из романов Джеймса. Пони и наездник после 5 ноября снова вернутся в мир выдумки. [1 Oct. 2/1]

Не только «Ивнинг транскрипт» полагал, что Кушинг позаимствовал эту номинацию из романа Джеймса, но и ежемесячник «Атлантик» за октябрь 1860, где Джеймс Рассел Лоуэлл (в статье без заголовка) приписывает ей то же происхождение:

Генерал Кушинг, посягая на авторское право мистера Джеймса, увидел на горизонте одинокого всадника (the solitary horseman). Можно по-разному истолковать это видение: некоторые считают, что это военный деспот – хотя в этом случае силы кавалерии было бы явно недостаточно, – а другие, что это – Пони Экспресс. Если бы был один наездник и две лошади, ...заявление было бы более общим и не таким неясным. [р. 502/2].

Вероятность того, что Лоуэлл был прав, считая, что именно из работы Дж. П. Р. Джеймса Кушинг позаимствовал идею всадника, подтверждается следующими фактами. Во-первых, этот сейчас уже забытый писатель был настолько популярен в то время, что Джастин

Маккарти говорил о нем:

Многие из нас помнят, не стыдясь этого, что было время, когда мистер Джеймс, его кавалеры и приключения рыцарей приносили столько же удовольствия, сколько и романы Вальтера Скотта молодежи предшествующего поколения. Однако Вальтер Скотт по-прежнему с нами, а бедняга Джеймс был забыт. Его некогда популярный одинокий всадник (solitary horseman) ускакал в небытие, и мрак ночи скрыл его героический образ.

Во-вторых, согласно С. М. Эллису, написавшему биографию Джеймса, названную им «Одинокий всадник» (Kensington, 1927), Джеймс написал 57 романов, но только в 17-ти из них всадник (horseman) – в одиночестве, в паре или группе с кем-то еще – появляется в самом начале. В шести книгах «одинокий всадник» ('a solitary horseman') появляется в первой главе, в двух других – лишь во второй... (р. 256).

В-третьих, прозвище «одинокий всадник» было дано Джеймсу известным писателем Уильямом Мейкписом Теккереем, который пародировал стиль Джеймса в бурлеске «Болтовня Дж. П. Р. Джеймса, эсквайра». Принимая во внимание все факты, мы можем утверждать, что не только Лоуэлл и автор статьи в «Бостонском транскрипте», но и американская читающая публика усматривали отсылки к всаднику Джеймса, когда Калем Кушинг использовал номинацию «верховой» ('the man on horseback') по отношению к американской политике.

II. «МАСКА ИЗ ТЕСТА» (Doughface)

Термин «doughface», более не употребляющийся в политическом языке, но часто используемый в трудах по истории, кажется, был сильным оружием в руках аболиционистов. На протяжении как минимум сорока лет это выражение использовалось для уничижения тех политиков Севера, которые отказывались противостоят принципам и тенденциям рабовладения. Тем не менее это слово пришло в политический язык совсем не с Севера США. Им мы обязаны Джону Рэндолфу из Роанока, славящемуся остроумием, который использовал его для критики политиков Севера, принявших Миссурийский компромисс. Так, «Род Айленд америкэн» (Провиденс) писал в 17 марта 1820 года:

В письмах из Вашингтона говорится, что все южане презирают то жалкое смирение, с которым представители Севера приняли Миссурийский компромисс. – Они за государственную измену, но при этом ненавидят предателей. – Рэндолф во время дебатов высмеял их дезертирство. Они извивались, как от укуса скорпиона. Он сказал: «они были напуганы. Они увидели свое отражение в зеркале – бледное и испуганное, испугались и проголосовали против ограничений, дав нам (южанам) преимущество в три голоса» [р. 2/5].

«Массачусетский шпион» (Бостон) 22 марта повторяет сообщение, и 19 апреля цитирует Рэндолфа:

Я знал, что они сдадутся. Они были напуганы собственной трусостью. Да, да – напуганы своей мягкотелостью. Мы победили [Quoted from Thornton].

Не спорим: мы не имели возможности проверить эти цитаты ни в «Анналах Конгресса», ни в детализированных отчетах дебатов Конгресса, которые печатались во многих газетах, но это не означает, что информация, представленная в «Род Айленд америкэн», является ложной. В то время «Анналы» были известны своей неполнотой, а взаимоотношения Рэндолфа с прессой были настолько плохими, что он заявил 29 марта 1820 года, что Гейлз и Ситон, редакторы «Нэшнл интеллидженсер» (а также издатели «Анналов»), должны быть исключены из числа репортеров, присутствующих на заседаниях Палаты представителей, на что пресса отреагировала практически полным бойкотом Рэндолфа. Было ли это выражение произнесено на заседании Палаты, или в какой-то другой ситуации, например в частной беседе, не так важно, как тот факт, что слово *doughface* постоянно используется в сочетании с именем Рэндолфа. Согласно У. Г. Спарксу (1870 *Memories of Fifth year*, p. 229), Рэндолф сказал следующее на собрании, где председателем был У. Г. Кроуфорд:

Ваши испуганные сторонники выдадут вас, а затем они испарятся, сэр; они не вытерпят, сэр; они сдадутся под натиском. Интерес, именно интерес – вот что движет ими. [See also Bradburn quotation below.]

Любой случай, когда есть возможность установить первое употребление популярного выражения кем-либо, представляет огромный методологический интерес. Однако есть особая причина не подвергать сомнению заявление Рэндолфа: авторство является важным фактором в определении исходного значения слова. Вопрос этимологии остается открытым в Словаре американского английского: «Не было установлено, что именно имел в виду Рэндолф – или бледные, мучнистые лица испуганных оппонентов, или хотел сравнить их с пугливостью самки оленя». Редакторы Словара американского английского на самом деле могли бы найти ответ на вопрос, что имел в виду Рэндолф, проанализировав более раннее употребление слова *doughface* в 1809 году, зафиксированное в «Анналах Конгресса» 23 февраля 1809 года (краткая цитата в приложении к Новому английскому словарю):

Законопроект, представленный на рассмотрение Комитету, может вызвать войну (с Великобританией), хотя и не преднамеренно. Да, сэр, это может привести нас к бою и позору; это подобно простыне и маске, которые надевают, чтобы напугать тех, кто может пустить нам пулю в лоб в тот момент,

когда мы думаем, что они парализованы страхом.

Нет сомнения, что в данном случае Рэндолф описывал известный способ пугать людей, надевая колышущуюся простыню и маску из теста, чтобы стать похожим на призрака – традиция, подтвержденная и детально описанная Эдвардом Егглстоном (*Hoosier Schoolboy*, chap 18) и Марком Твенном (*Life of the Mississippi*, chap 53). Точно так же не подлежит сомнению и то, что, используя это слово в 1820 году, Рэндолф ссылаясь на ту же самую традицию: пытаюсь напугать оппонента вымышленными опасностями, организаторы сами начинают бояться тех призраков, которых сами же и придумали. Таким образом, оказывается, что «или...или», указанное в Словаре американского английского, следует на самом деле читать как «ни то, ни другое», поскольку *испуг самки оленя* вообще не имеет никакого отношения к описываемой ситуации, а *бледность маски из теста* не указывает на испуг того, кто ее надел, а говорит лишь о его попытке испугать других своим похожим на призрака обликом.

Интересен тот факт, что у нас есть как минимум четыре разные версии, что же именно сказал Рэндолф. Три из них мы уже рассмотрели: «они увидели свое бледное и испуганное отражение», «они были напуганы своей трусостью», «ваши испуганные сторонники выдадут вас, но в какой-то момент они испарятся, сэр». Четвертая версия появляется в речи Джорджа Бредберна, точную дату которой сложно установить, но как утверждает С. Л. Нортон, она относится к 1856 году (см. «Журнал американской истории», XIII, Май 1885, 497):

*Когда тот надменный оратор из Роанока поставил свое клеймо на всю расу демагогов, он воскликнул своим тягучим, резким, причудливым голосом: «Не сила позволила нам, южанам победить вас, северян. Мы сделали это при помощи ваших собственных страхов. Ваших призраков!» (1883 *Memorial of George Bradburn*, p/ 134).*

Все вместе, эти варианты указывают на то, что первоначальное высказывание Рэндолфа превратилось в часть политического фольклора, в легенду, которая приукрашивалась каждый раз, когда вспоминалась. Необходимо помнить об этом, чтобы понять, какие условия позволили стать этому выражению столь популярным.

В 1820-е годы это слово получило широкое распространение. Например, его можно встретить в «Делавэр Пэтрон Огайо» за 1823 год:

Политики Юга прекрасно знают, как справиться с испуганными северянами. [22 июля 3/1.]

Редактор Галакси провел в Вашингтоне всю прошлую зиму и вернулся домой испуганный. [Ibid.]

Косвенным показателем возрастающей популярности является тот факт, что после появ-

ления этой номинации от нее начали образовываться производные, например *dough-faced* (испуганный), *dough-facedness* (испуг) (мы считаем, что жизнеспособность слова можно оценить, изучив его возможность образовывать производные):

...Проклятие рабства, которое распространяется из-за малодушного и продажного поведения испуганных представителей Севера... [1823, National Republican (Cincinnati) 9 May 1/1.]

Его (Дж. Холмза) федерализм в 1810 году, его трусость в Конгрессе дали ключ к разгадке его характера. [Ibid. 30 Sept 2/1.]

Чуть позже популярность слова была подтверждена Джоном Г. Уиттером:

Мы все знаем, как часто представители южной части страны развлекались в Конгрессе, используя оскорбительное слово «раб» по отношению к свободным трудящимся Севера. И какими же распространенными стали слова «белый раб» и «трусливый политик»! [1834 Prose Writings (1895) p. 86.]

В это время и чуть позже мы можем заметить, что слово начинает менять свою этимологию, если можно использовать это парадоксальное выражение. Первоначальная связь с масками, которые надевали шутники, забылась. Вместо этого слово *doughface* начинает означать бесхарактерного человека, человека, чьи политические убеждения можно изменять так же легко, как форму теста. В 1848 году Дениэл Вебстер, которого два года спустя современники считали прототипом безвольного человека, обрушился на политических предателей, отвернувшихся в 1844 году от Ван Бюрена:

*С моей точки зрения, слово «бесхарактерный» (*dough faces*) – это недостаточно укоризненный эпитет. Эти люди имеют не только лица из теста, но и головы, сердца и души; они все словно из теста, которое грубый гонимый может превратить в сосуд чести либо бесчестия – скорее всего, в сосуд бесчестия. (Works, II, 438-39)*

Вебстер не первый и не последний, кто приписывал слову *doughface* значение бесхарактерности, изменчивости. В 1846 году Джеймс Фенимор Купер отметил, что «две трети членов каждого собрания – это слабохарактерные люди, на чьи взгляды может повлиять любой умелый руководитель» (Redskins, Cooper Publication Society, ed., p. 440), а в 1852 году «Американ Уиг Ревю» писал: «Политики Севера, поддерживающие взгляды политиков с Юга, получили название «мякотелых» благодаря, как мы полагаем, той легкости, с которой они формируют свои мнения» (p. 128)

Мы установили, что происхождение слова *doughface* никак не связано со словом *doe*, означающим самку оленя, но мы не отрицаем, что некоторые факты могут указать на эту связь. Народная этимология, когда слово *doe* (самка оленя) подменялось омонимом *dough* (тесто),

была замечена в 1838 году (см. ниже) и описана корреспондентом Дж. Р. Барлеттом в 1848 году в статье «Список слов Род Айленда», напечатанной в «Дайалект ноутс», IV (июль 1935), 453. В Словаре американизмов Барлетта 1848 года выпуска указана только форма *dough-faces*. В 1856 вышеописанная этимология перестала быть лишь теоретическими предположениями и превратилась в элемент полемических кампаний. Омонимичность *doe* и *dough* вместе с тем фактом, что Бучанана называли «старина Бак» (*Buck* в переводе означает «олень» – прим. переводчика), положили начало игре слов *buck* (олень), *doe* (самка оленя), *doeface*, примером чего может служить следующий отрывок:

Другие только и говорили что о «старине Баке». Сейчас мне нравится этот настоящий Олень и самка, что рядом с ним (смех), но я бы не хотел видеть прежнего одинокого Бака, безвольного и бесхребетного. (смех). Олень, поднимающий голову и окруженный молодыми особями – это хорошее животное; но когда он поддерживает рабство, я его не выношу. [campaign speech by Charles Rumelin, Reported in 1856 Cincinnati Gazette, 24 June 2/3.]

Мы уже упоминали о производных от слова *doughface*, свидетельствующих о его популярности. Можно встретить большое количество таких производных. Примеры употребления *dough-faced*, *dough-facedness* в «Нэшнл репблликэн» были приведены выше. Цитата из речи Вебстера в 1848 году показала, что слово *dough* окрашено коннотациями слов *doughface* («они все из теста»). В этом же примере встречаются словосочетания *dough hearts* (сердца из теста), *dough heads* (головы из теста), *dough souls* (души из теста). Можно привести еще несколько подобных примеров:

Мистер К(ушинг) упоминал здесь слабовольные и непристойные речи Джона Рэндолфа [1836 Scioto Gazette (Chillicothe, Ohio) 22 June 1/6.]

Все, что важно и ценно в политике, и все, что дорого и бесценно в принципе, было использовано слабохарактерными членами Палаты представителей для того, чтобы заполучить места в кабинетах, поездки за рубеж и «добычу» дома. [An 1844 Editorial of Thurlow Weed, Quoted in T/W/ Barnes, Weed, p. 125.]

...чтобы уничтожить слабохарактерность... [1895 Ohio State Journal (Columbus) 23 Feb 2.]

Еще один представитель слабохарактерных [Headline, 1860 Xenia (Ohio) Torchlight 15 feb 2/5.]

Мякотелые правила, и кровожадные победители!

Тогда все решили, что старина Зак должен встать у руля.. [1848 Democratic Banner (Mt. Vernon, Ohio) 12 Sept 1/2.]

Любить Соединенные Штаты, а не быть лишь эгоистом, с душой такой же тонкой, как

край шестипенсовой монеты: быть слабохарактерным равносильно признанию своей вины [1854 daily ohio Statesman (Columbus) 6 Oct.2].

До этого момента мы намеренно не упоминали отрывок из одного выступления Генри Клея, потому что он слишком важен, чтобы позволить ему затеряться среди менее ярких и значимых примеров. В обращении к Сенату в 1838 году Клей упомянул о непреклонной позиции Рэндолфа во время дебатов по Миссурийскому компромиссу и сказал, что курс Рэндолфа «ставил Штаты под удар как никакое другое событие в истории». Далее он рассказал о своем разговоре с Рэндолфом:

Вернувшись на место спикера, я встретил джентльмена из Вирджинии, который до этого никогда не разговаривал со мной, и он сказал: «Здравствуйте, сэр; было бы хорошо, если бы вы поехали со мной в Кентукки». Я понял, что он в своеобразной манере предлагал разделение южной делегации, уход из Конгресса и предоставление Северу полной власти в правительстве. Я ответил: «Не сейчас, но мы увидимся завтра утром». Следующим утром я провел с ним час, все это время он уговаривал меня не идти на компромисс, даже в случае если джентльмены пообещают нам все, что мы хотим, в обмен на позицию, которую будет отстаивать Север. [1838 Congressional Globe 11 jan 71/2.]

Это была предыстория. Далее следует отрывок, который мы процитирует точно так, как он был напечатан в «Конгрешнл глоуб», с интересными ремарками издателя.

Два слова (dough (doe) faces – слабохарактерные люди), при помощи которых тот джентльмен оценил и высмеял наших северных друзей, навредили больше, чем какие-либо другие два слова, что я знаю. [Ibid.]

Выводы, которые можно сделать, исходя из этих цитат, крайне поучительны. Во-первых, в то время слово *doughface* (мякотелый, слабохарактерный) было широко известно, иначе смысл слов Клея был бы непонятен слушателю. Во-вторых, реальная этимология стала неясной из-за того, что редактор привел варианты *dough* и *doe* как альтернативные. В-третьих, и это самое важное, несмотря на то, что пренебрежительный оттенок значения слова *doughface* присутствует в большинстве приведенных примеров, фраза Клея необходима для понимания всей той огромной силы, которая заключалась в

этом слове для политики периода накануне Гражданской войны. Вероятно, причина, по которой Клей не произнес эти «два слова», заключалась в нежелании сделать тогдашнюю опасную ситуацию еще более напряженной. Как бы то ни было, неправильно представлять эту драматическую ситуацию так, как это сделал, например, Уильям С. Брюс (в книге «Рэндолф из Роанока», I, 449), который дает вольную цитату из речи Клея, опустив аллюзию *doughface* (слабохарактерный), или как Торнтон (Американский глоссарий, I, 264), который приводит фразу о слабохарактерности (*doughface*) без какой-либо ссылки на ее происхождение.

Высказывая наши возражения, мы никоим образом не хотим умалить значение биографии, написанной Брюсом, или выказать недостаточности благодарности, которую обычно испытывают все студенты-филологи по отношению к Торнтону за его великолепный глоссарий. Каждый понимает стремление историка уделить большее внимание событиям, а не словам, лексикограф же, в свою очередь, стремится сократить каждую из тысяч отобранных им цитат. Однако должен быть применен такой подход, при котором и лингвист, и историк относятся к словам и событиям, с ними связанным, как к единому неделимому целому, приводя полную историю, а не ее части.

То, что касается исторических событий, можно отнести и к выдающимся деятелям, которые внесли значительный вклад в американский лексикон. Естественно, такая фигура, как Джон Рэндолф, не может быть до конца понята без изучения особенностей его языка. Его роль творца политических фраз не ограничивается введением в употребление слова мякотелый – *doughface*; велика вероятность того, что такая яркая номинация времен Джексона: «чистить Авгиевы конюшни», – была придумана именно Рэндолфом, точно так же как и едкая фраза «продажная коалиция пуританина и штрейкбрехера», датируемая 1868 годом, когда Бен Перли Пур процитировал ее в книге «Воспоминания шестидесяти лет в национальной метрополии» (I, 70). Невозможно сказать, сколько еще информации может дать тщательный анализ стиля Рэндолфа, но, без сомнения, изучение вклада отдельного человека в словарь политики представляет собой огромное поле работы для совместных усилий историка и лингвиста.